



## Евгений Хан

Родился в 1972 году в Барнауле. Работал журналистом, управляющим типографии, занимался книготорговлей. В 2022 году в Барнауле открыл «Лавку букиниста», в которой работает до сих пор.

# ДНЕВНИК БУКИНИСТА

*25 марта*

...Иногда ответ приходит сразу, как только задаешь вопрос...

После работы я закрыл магазин, поднялся на второй этаж, заварил себе кофе и, удобно устроившись за столом, хотел сделать первую запись в дневнике. Мне хотелось начать с главного. С размышлений о том, какое будущее уготовано книге и какое будущее ожидает наш магазин. Но меня отвлекли.

В дверь магазина с силой затарабанили...

— Б-б-б-бу-букинисты! — услышал я чей-то пьяный голос из-за двери. — Открывайте, м-м-мать вашу!

В субботу вечером такие явления не редкость. В округе ломбарды, парикмахерские и пивные. Люди что-то закладывают, подстригаются, а потом пьют. Ну или в обратном порядке.

Я спустился вниз и открыл дверь. На пороге раскачивался, как неваляшка, пьяный гражданин в кожаной куртке на голое тело, то ли в шортах, то ли в трусах в полосочку. Некоторое время он непонимающе всматривался в меня, а потом завел свое:

— Б-б-б-бу...

— Букинисты? — попытался я ускорить ход событий.

— Б-б-б-бардак! — отчего-то разозлился вечерний посетитель и, сильно качнувшись, едва не упал плашмя на спину. Я едва успел его подхватить.

— Б-б-б-ба, — опять начал он.

— Бардак? — снова попытался я опередить время.

Гражданин посмотрел на меня как на идиота, покрутил пальцем у виска, вытащил из-за пазухи газетный сверток и, сунув его мне, очень четко произнес:

— Благодарю!

А потом, раскачиваясь и балансируя, как канатоходец, отправился восвояси вниз по Северо-Западной...

Я вернулся в магазин и развернул сверток. В нем оказалась книга. Замызганный, истрепанный Павка Корчагин. «Как закалялась сталь». Ну вот и ответ, подумал я. Пока люди несут книги в магазин, а не в мусорный бак, и у книг, и у нашего магазина есть будущее.

*4 апреля*

Вторник — день отдыха! И я снова в дороге! Странно... Всю жизнь считал себя домоседом, и всю жизнь я куда-то еду и еду, и никак не могу добраться до конца. Почему? Когда это началось? Зачем мне нужна дорога?

Сегодня я еду к маме. Конец Белоярска. «Боярка». От Северо-Западной полтора часа в одну сторону, полтора часа в другую. Вполне достаточно для того, чтобы найти кое-какие ответы. Но чем больше я хочу себя понять, тем все больше мне кажется, что я ищу не ответы. Мне важно отыскать вопрос...

...Свое первое большое путешествие я совершил в десять лет, организовав пеший поход к Северному полюсу. Вместе с другом рано утром в один из беспокойных зимних дней, преодолев метров пятьсот, мы выбрались в безлюдное снежное поле. До полюса по-прежнему оставалось чуть больше 3000 километров. Для подростков, начитавшихся Жюль Верна — не расстояние! Мы были отлично подготовлены, а наши походные сумки были доверху набиты спичками, свечками и сухарями, а главное — чесноком, лучшим средством, как подсказал нам Жюль Верн, от цинги.

С цингой, объяснял я своему другу и по совместительству члену экспедиции, мы столкнемся обязательно, как и все настоящие полярники. И может быть, пугал я его, у нас даже выпадут зубы. Но это сущие пустяки! Полюс — вот что должно нас вдохновлять! Преодолев торосы, метели и Ледовитый океан, цингу, предательство друзей и прочие невзгоды, мы обязательно до него доберемся!

— Зачем? — спрашивал мой друг.

На такие вопросы в десять лет я отвечал без запинки.

— Слава, — объяснял я, — великая слава ожидает нас, слезы счастливых родителей, а главное — восхищенные взгляды одноклассниц!

Последнее обстоятельство решило дело. Выкрав по моему совету из отчего дома весь запас чеснока, мой друг влился в состав полярной экспедиции.

Но как только мы вышли в поле за поселком Мирный, «вдруг сделалась метель», исчезло бледное утреннее солнце, за спинами пропали огни домов и ничего кроме снежной пелены вокруг не осталось в природе. Через некоторое время, чтобы окончательно не заоченеть, мы были вынуждены в прямом смысле слова закопаться в сугробе. А метель не стихала, сугроб над нашими головами продолжал все расти и расти, и нас все больше клонило в сон.

Я помню те ощущения. Страх не было. Было тепло и спокойно. Мне казалось, что я растворяюсь в чем-то огромном, вечном. Помню, как не хотелось открывать глаза. Помню, как друг заснул, уронив голову на плечо. Уже засыпая, я расплакался, вспомнив, что так и не сделал ни одной записи в «Дневнике экспедиции». Я проснулся и нацарапал карандашом в приготовленной тетрадке одно слово — «привал». Потом я растолкал своего друга и сообщил ему, что экспедиция возвращается домой... Я сохранил ту тетрадку. Вместе с некоторыми другими моими вещами она хранится у мамы. Сегодня к единственному слову «привал» я дописал второе — «окончен».

Путешествие продолжается. «Лавка» — его значимая часть, и мне хотелось бы, чтобы эта часть была успешной.

24 мая

— А ты совсем не изменился! — улыбнулся мой приятель. Он забежал в «Лавку», чтобы узнать о книжных новинках.

А я, хоть и хорошо его знал, опрометчиво улыбнулся в ответ.

— Хотя... — заинтересовался он, заметив мой блеснувший позолотой зуб. — Все течет, все меняется...

Не успел я ничего ответить, как он зашел ко мне со спины, и начал тщательно, волос за волосом, изучать мой затылок.

— Не хочу тебя пугать, старик, — сообщил он, закончив осмотр, — но скоро у тебя появится лысина!

Я вздохнул. Я не хотел лысину. Я не хотел о лысине. Мне хотелось провести его на второй этаж и показать новое поступление. Но я снова не успел. Приятель уже заинтересовался моими ушами, потому что это — «локаторы здоровья».

— Вот, например, — заявил он и без предупреждения дернул меня за мочку. — У тебя не зазвенело в голове?

Я сообщил, что зазвенело. И что еще как будто что-то хрустнуло в шее.

— Вот! — удовлетворенно согласился он. — Это уши! Ты не затягивай с этим делом.

Я пообещал, что не буду, и, не подумав, потянулся рукой к томику Бродского.

— А по рукам, — перехватив мою руку, сказал приятель, — по рукам о человеке можно рассказать все!

И он рассказал. И я узнал по своей руке очень много о своих ногах. О печени, желудочно-кишечном тракте, о двенадцатиперстной кишке и обо всем остальном организме.

— Ну вот видишь! — удовлетворенно улыбнулся мой приятель, заканчивая разговор о книжных новинках. — Хорошо поговорили!

В целом я был согласен. Но улыбаться в ответ не стал.

19 июня.

Сегодня обнаружил одну удивительную особенность — чем ближе подъезжаешь к Белоярску, тем меньше думаешь о Гёте. Да и обо всех остальных писателях и поэтах тоже. Чем дальше уезжаешь от Барнаула, тем все больше голова заполняется

морковкой и капустой, жимолостью и вишней, и всеми остальными природными явлениями. Правда, на обратном пути весь процесс повторяется в обратном порядке. И когда я вечером вернулся в «Лавку», первая мысль была о десятитомнике немецкого поэта...

...Еще более удивительное открытие я совершил, перечитав в ожидании автобуса все наклеенные на одном из остановочных павильонов объявления. На всех объявлениях значилось одно и то же — «куплю рога». Это меня заинтересовало, я не утерпел и набрал указанный в объявлении номер.

— Я насчет рогов, — сказал я, поздоровавшись. — Хотел кое-что уточнить.

— Уточняйте, — разрешила женщина.

— Хотел узнать, с чем связан ажиотаж на рога?

— А у вас чьи рога есть?

— У меня ничьих рогов нет, но...

— Василий Степанович! — повысила голос женщина, призывая на помощь. — Тут опять шутник!

— Пошли его... вместе с его... туда, где его...

— Пойдите! — попросил я.

Но женщина тут же действительно меня послала и отключилась.

А я, оставшись без ответа, сел в автобус и поехал в Белоярск, к маме. Поглядывая на остановочные павильоны, попадавшие по пути, я пришел к заключению — чем дальше удаляешься от краевой столицы, тем больше спрос на рога падает. А в Белоярске его не было вовсе. И это меня порадовало!

И напоследок о книгах. Сегодня мама попросила меня сделать на веранде полки для разной утвари — для банок, горшков и т. д.

— Сделаешь? — с сомнением спросила мама и уточнила: — Для банок.

Я пообещал. Измерил, отпилил, просверлил, собрал. Получился неплохой книжный стеллаж. Я много таких собрал в «Лавке».

— Да... — сказала мама, разглядывая мое произведение.

— Может, переделать? — предложил я.

— Поздно! — вздохнула мама. — Тебя не переделать!

И это правда. Не знаю почему, но за что бы я в жизни ни брался, на выходе все равно получают книги.

10 июля.

— Вы книги принимаете?

— Принимаем.

— Достоевский нужен?

— Нужен.

— Тринадцать.

— Что тринадцать?

— Килограмм.

— Тринадцать килограммов Достоевского?

— Да.

Я попытался представить, как могут выглядеть тринадцать килограммов Достоевского.

— Хорошо. А что еще у вас есть?

— Чехов.

— Тоже в килограммах?

— Естественно.

— Сколько?

— Восемнадцать.

— Восемнадцать килограммов Чехова?

— Да.

— Ладно. Это все?

— Нет. Еще есть Донцова.

— В килограммах?

— В мешках, — вздохнул мужчина.

От Донцовой я отказался. А тринадцать килограммов Достоевского и восемнадцать килограммов Чехова скоро приедут в «Лавку». Заходите!

12 ноября.

Я ждал эти книги! И вот эти книги пришли! Новая партия романов о книжных магазинах! Еще пахнущие типографской краской! Новенькие! Еще не читанные и даже не открывавшиеся! Хорошая бумага. Хорошие иллюстрации. Если у них и можно обнаружить недостаток, то разве что отсутствие в их числе романа о «Лавке букиниста». Не дневниковых записей, не отдельных заметок, а именно романа! С героями, сюжетом и обязательно счастливым концом! Как раз над исправлением этого

недостатка я сейчас и работаю. Правда, книжка о «Лавке» будет иметь несколько существенных отличий. Прежде всего надо обратить внимание на тот факт, что она будет написана не женщиной. Это важно, потому что большая часть книг об уютных европейских магазинчиках написана дамами.

Другое отличие будет заключаться в том, что «Лавка» находится отнюдь не в Европе, а на Северо-Западной улице. И мне это очень нравится! Чем дольше я живу на Северо-Западной, тем больше влюбляюсь в эту странную улицу без начала и конца. Когда я прогуливаюсь по ней, то у меня частенько возникает желание в некоторых местах ее слегка выгнуть, а потом загнуть так, чтоб она и вовсе стала похожа на знак бесконечности. Подумать только! Каждый день я могу разгуливать по бесконечности сколько захочу! А иногда даже из нее возвращаться!

Наконец, последнее существенное отличие в том, что «Лавка» — действующий магазин. О нем можно не только прочесть. Его можно посетить. Можно даже потрогать. А при желании отколупнуть, например, какой-нибудь камешек от цоколя и унести с собой на память. Но это не все.

Наспех пролистав все представленные книги (которые, кстати говоря, пока еще не продаются) я заметил одну общую сюжетную деталь, встречающуюся едва ли не во всех этих романах. Рано или поздно, случайно или закономерно, в начале или в конце, но в жизни каждого книжного магазина неизбежно, как гром за вспышкой молнии, наступает тот удивительный день X, когда необходимо ответить на один важный вопрос. И в непродолжительной истории «Лавки» этот день тоже был. И мне тоже пришлось отвечать. Точнее говоря, был не день. Была ночь. Длинная-предлинная ноябрьская ночь. Самая длинная в моей жизни. Как раз такая, из которой вполне может вырасти роман. С полночным стуком в дверь магазина, таинственной незнакомкой, пропавшей книгой и первым утренним трамваем, уходящим в бесконечность. Одна ночь в магазине. И вся жизнь.

*13 ноября.*

Сегодня весь день был соткан из странностей. Вот, например, погода. Хорошая! Но странная! Добавь в нее немного солнца и — настоящая весна! Странно...

Или вот утренний посетитель. Я давно его знаю. Он законченный сознательный алкоголик. Живет в режиме «весна-осень». Запой у него начинается поздней весной, продолжается с перерывами все лето и заканчивается в начале осени. В этом году запой затянулся и закончился в день милиции. А сегодня мой приятель поутру пришел в магазин и «для поправки здоровья» купил книжку «Лечение чесноком». Я посмотрел на его лицо и подумал, что чесноком тут не обойтись. Ничего значительного в таком лице чеснок поправить не может! А мой приятель был уверен в обратном! Странно...

Потом весь день люди сдавали и сдавали книги! Действительно много. Странно, почему именно сегодня? Почему так много? Настолько, что я не успевал эти книги обрабатывать и заносить в компьютер.

И наконец, уже вечером в «Лавку» заглянул еще один непризнанный литературный гений. Сколько же нас таких бродит вечерами по Северо-Западной! Не сосчитать!

Полку писателей прибывает с каждым часом! А вот ряды читателей продолжают редеть! Когда-то поэты собирали стадионы. Сейчас впору собирать стадионы из одних поэтов! Еще не так давно хорошие писатели могли зарабатывать литературным трудом. Сейчас писатели — хорошие клиенты для типографий. Странно, конечно, но возможно, все перевернулось для того, чтобы писатели больше думали не о гонорах?

*15 ноября.*

Решил это сделать заранее. Пока не выпал снег. Просочинял его всю ночь во сне. Надеюсь, дойдет.

«Ну здравствуй, Дедушка Мороз! Пишет тебе простой сибирский букинист Ж. Я живу в городе Б. А работаю в магазине Л. Я ненормален, дедушка! Я это понимаю. Мои друзья думают о карасях, зайцах и «порше кайенах». Я думаю о Чебурашке. О Гарри



Поттере. О том, как заполучить все семь книжек в переводе от издательства «Росмэн»... Думаю о Чапаеве и Ядринцеве, о космических войнах и исчезнувших динозаврах. Я все время думаю о том, чего нет... Я неизлечим, Дедушка! И это мне нравится! Прошу тебя! Пожалуйста, оставь все как есть! И не застуди мне мозги! Зима будет долгой, конечно. Хотя с мозгами, пожалуй, ты уже когда-то постарался... А про Гарри Поттера, если что, не забудь! Засим прощаюсь! P.S. Гирлянду я уже повесил! Елку скоро поставлю. По-прежнему твой поклонник Ж. Из города Б. Из магазина Л. Жду!»

*17 ноября.*

— А я ведь хорошо его знал, — заметил мужчина и ткнул в изображение Тарзана на обложке. И, наверное, для того, чтобы все стало понятно, веско добавил: — Лично!

Магазин уже давно пора было закрывать. Шел восьмой час. Нас оставалось двое. Мужчина на первом этаже выбирал у стеллажа с детскими книгами. А я работал на втором.

В последнее время по вечерам я начал подбивать итоги года. Очень хочется знать, что мы успели сделать за год. Что представляем собой сейчас. Куда и как нам двинуться дальше. А без итогов в этом не разобраться.

Пока последний посетитель выбирал, я успел набросать коротенькую заметку о самых продаваемых книгах алтайских писателей. Конечно, по версии «Лавки букиниста». На это ушло полчаса. Мужчина не уходил. Тогда я продолжил работать и написал о самой востребованной в нашем магазине книге, которой, увы, не существует в природе. То ли писателей не интересуют эта тема, то ли издатели не собираются ее издавать...

Мужчина не уходил. Тогда я все выключил, оделся и спустился на первый этаж, давая понять, что пора. Вот тогда-то мой посетитель и сообщил мне о личном знакомстве с Тарзаном.

— Да, — с вызовом подтвердил мужчина, заметив мой взгляд. — Я его знал!

Я попытался быстренько вспомнить. Так. Эдгар Райс Берроуз. Знаменитый американский писатель. Годы творчества — первая половина двадцатого века. Первая книга о Тарзане вышла

в 1912 году и называлась «Тарзан, приемыш обезьян». Всего о Тарзанае было написано двадцать четыре книги.

— А насколько близко вы его знали? — осторожно уточнил я, глядя на изображение дикого человека верхом на слоне.

— Очень близко! — с еще большим вызовом почти выкрикнул мужчина. — Я с ним пил!

— Ну вот все и объяснилось, — обрадовался я. Погода! Осень!

Моя радость была, видимо, настолько очевидной, что мужчина разозлился. Он бросил книгу на стопку сказок и, сузив глаза, сказал:

— Да, пил! Целые сутки! Когда он возвращался после гастролей в Москву! К Королёвой! А вы?! — вдруг перекинулся он на меня. — А что вы добились в этой жизни?

И, не дожидаясь ответа, мужчина ушел, хлопнув дверью. Мне стало жаль, что я не совладал с эмоциями. Мне захотелось мужчину вернуть. Я выскочил на улицу, но человек, близко знавший Тарзана, уже исчез в северо-западной темноте.

А я после этого вернулся в магазин и еще какое-то время позанимался итогами года. Мне и самому очень важно ответить на вопрос — чего добились мы? Впереди много работы. Впрочем, как всегда.

*20 ноября.*

Сегодня надо было бы рассказывать о поваленных деревьях и разбитых окнах, но в последнее время я живу в режиме двухсуточного опоздания. Поэтому расскажу о субботе. С которой в «Лавке» изредка начинается понедельник. Она получилась непростой! Напряженной! Трудной!

Весь день, в промежутках между продажей книг, учетом и разговорами с посетителями, я подсчитывал чудеса. В уходящем году их набралось так много, что мне пришлось разбивать их на группы и классы. Так что к вечеру у меня сама собой изобрелась «периодическая табличка букинистических чудес». Почти такая же, как и у Дмитрия Ивановича, только без кислорода и остальных элементов. Вместо них я расположил книжки и людей. Точнее — людей и книжки. Когда-нибудь я ее обязательно опубликую, а сейчас просто расскажу о некоторых книжных чудесах Алтая, приключившихся в 2023 году.

Главное из них, которому я не перестаю удивляться из года в год — это «Голубая дама» Марка Юдалевича. «И восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту, где оно восходит», а «Голубая дама» по-прежнему вместе с нами! Мы все так же любим ее. И по-прежнему покупаем. Что-то невероятное удалось сделать Марку Иосифовичу! Как-то удивительно просто затронуть струны наших душ, отчего рядовая городская легенда превратилась в самую любимую городскую книгу.

В нашем рейтинге продаж «Голубая дама» — бесспорный лидер. Жаль только, что количество поступающих в продажу книг не удовлетворяет спрос. Возможно, в этом поможет ее новое издание! Посмотрим.

А вот то, что на втором месте в списке продаж алтайских писателей книги Владимира Токмакова, хоть и не является чудом, но глубоко символично! Потому что, как мне кажется, он и сам как-то незаметно и уже давно превратился в городскую легенду! Притом такую, которую можно увидеть, услышать и прочитать! «Клуб читателей и писателей», который он ведет, работа на телевидении, активность в соцсетях, творческие вечера, но главное — книги! Книги, пользующиеся спросом! В числе самых продаваемых — романы Владимира Николаевича «Запретная книга Белого Бурхана» и «Танец маленьких королей».

На грани чуда и долгий стабильный интерес к еще одной книжной легенде — к ироническому детективу «Барнаул — столица мира». Стоит только упомянуть об этой книге, как тут же разгорается дискуссия о происхождении ее названия, о том, кто первый придумал знаменитую фразу. Но бесспорно только то, что автором последней редакции книги является Сергей Орехов.

И наконец, о чудесах, связанных с книгами Вячеслава Чиликина. Их немало. Чего только стоит необыкновенная история спасения его романа «Глагол времени»! Напомню ее в двух словах. В советское время рукопись романа была отвергнута и едва не сгинула в мусорном баке. Но нашлись люди, которые сумели ее спасти и даже издать. Теперь «Глагол времени» причисляют к лучшим творениям алтайских литераторов. Мне даже пришлось слышать сравнение этой книги с «Тихим Доном»! Поражительная история!

Но оставляю право судить о литературных достоинствах «Глагола времени» прочитавшим. От себя же добавлю, что на этом чуде с книгами Вячеслава Чиликина не закончились! Со сборником его рассказов «Записки старого барнаульца» не так давно приключилась в «Лавке букиниста» история, заслуживающая отдельного рассказа. Думая о ней, я вспоминаю булгаковское: «Ваш роман еще принесет вам сюрпризы». И для книг Вячеслава Константиновича это будут сюрпризы хорошие, конечно. Я в этом уверен.

И напоследок — о самом расчудесном чуде, о котором я стараюсь рассказывать при любой удобной возможности. Не так давно одна молодая студентка, приехавшая на учебу из Горно-Алтайска, рассказала мне, что ее любимая книга — это «Солона ты, земля» Георгия Егорова. Чудо? По мне — так еще какое! Восемнадцатилетняя девушка и литература советской поры! Надеюсь, не последнее книжное чудо – 2023!

*24 ноября.*

Сегодня только об одном и больше ни о чем! О ней! Я приехал к ней ровно в 13.00 часов по местному времени. Поджидая меня, она уже лежала на столе. Голубая-голубая! Красивая-прекрасивая! И ждала! Я это чувствовал! Сердцем!

С самого утра я выбрился до зеркального блеска. Сначала щеки, потом на всякий случай и шею. Потом немного подумал и для верности побрился еще раз. Потом надел новые коричневые ботинки и пошел на работу.

От волнения ровно в 8 утра я включил компьютер и без прерыва проработал на нем до 11.37, пока он не сломался. Тогда я отнес его в ремонт — через дорогу — в «Сетевое окружение». После этого вернулся домой, собрал сумку, проверил наличие ручек, ежедневника и зарядки, рассмотрел себя в зеркало и, убедившись, что бриться еще рано, поехал к ней.

Как я уже сказал, ровно с 13.00 часов она ждала меня на столе. В 13.57 она стала моей. Я о «Голубой даме»! Сегодня весь день прошел под ее знаком! В детской библиотеке имени Н.К. Крупской состоялась презентация нового издания книги. Книга получилась великолепной! Как самостоятельное произведение

искусства! Работа редактора, дизайнера, полиграфистов — все на самом высшем уровне! А какие иллюстрации Ксении Паршиной! Это просто какое-то книжное чудо, природу которого объяснить, как мне кажется, почти невозможно! Его можно только принять.

И я с большой радостью принимаю новую «Голубую даму»! Я уже успел ее потрогать! И даже раскрыть!

*29 ноября.*

Вот это получилась среда! День как день с виду, но столько событий!

Если рассказывать непосредственно о книгах, то первым делом надо рассказать о туалете. А случилось вот что. Между туалетом в «Лавке» и туалетом у жильцов на втором этаже прохудилась стена. Как такое могло произойти, непонятно. Только теперь мне абсолютно точно известно, что происходит в туалете у соседей, а им же, в свою очередь, прекрасно известно, что происходит в туалете у нас.

Поэтому сегодня мой день начался с кашля. Кашлял сосед. Покашлял, покашлял, а потом чихнул. Я непроизвольно пожелал ему здоровья. Он непроизвольно меня поблагодарил. Так началась наша дружба и состоялся наш первый короткий разговор.

— Ты надолго в туалет? — поинтересовался сосед.

— Нет, — ответил я.

— И хорошо! — обрадовался сосед.

И я тоже подумал, что это хорошо!

Дальше день потек по обычному сценарию. Швабра — книги — компьютер — книги — посетители — писатели — швабра.

Так получилось, что именно сегодня было самое пристальное внимание к Алтаю. Мы продали пятитомник Шукшина (с точками на корешке для обозначения томов), книги Николая Дворцова «Дороги в горах» и «Человек большого сердца». «Былины и песни Алтая».

И сегодня же к нам поступило несколько научных работ об Алтае: например, «Вопросы археологии Алтая...», «Коренные народы Сибири...» и первое после 1885 года издание нашумевшего в свое время романа Л. Блюммера «На Алтае».

Кроме этого, сегодня продавали хорошо известные произведения: «Солярис», «Понедельник начинается в субботу», «Поднятая целина» и др.

А кульминацией дня для меня стало возвращение в «Лавку» после выезда за книгами. Возможно, в преддверии открытия моста около Нового рынка, или, как его по-научному называют, путепровода, это последний такой случай. Так вот, на площади Октября ровно в 17.00 мне необходимо было сесть в автобус. Или встать. Или втиснуться. Весь проходящий транспорт в сторону Северо-Западной был забит такими же путешественниками, как я. Люди, можно сказать, просто выпадали из открытых дверей. Но в одну из маршруток я всё-таки втиснулся.

Водитель маршрутки привстал со своего места и, осмотрев салон, предложил:

— Друзья! — сказал он, — пожалуйста, уплотнитесь!

Мы послушались. Тут же кто-то вдавил мне локоть под ребра. Я кому-то во что-то вдавил колено. Закончив уплотняться, мы сообщили об этом водителю. Но он снова не смог закрыть дверь в салон, привстал и предложил вторично:

— Друзья! Пожалуйста, уплотнитесь еще раз!

И мы снова послушно постарались уплотниться — настолько, чтобы вовсе не потерять свою индивидуальность. Но один из нас с уплотнением все-таки перестарался. У него что-то хрустнуло, что-то треснуло, что-то упало, а потом он в некотором возбуждении истошно заорал:

— Я тебе сейчас уплотнюсь! Я тебя сейчас так уплотню!!!

И заоравший пассажир начал пробираться сквозь уплотненные ряды к водителю. Не знаю, сдержал ли он свое обещание, потому что я выскочил из маршрутки и заскочил в автобус. Но и там дела обстояли не лучше. Только вместо водителя предлагал уплотняться кондуктор.

*5 декабря.*

Утро букиниста. Снег засыпал крыльцо. Включаю «Мумий Тролля» на смартфоне, и, напевая "Осталось никаких сомнений", иду подметать. Пока достаточно метлы. Из принципа ничего не втыкаю себе в уши. Мне не нравится, когда по улице идут люди

и громко разговаривают сами с собой, что-то у себя спрашивают... Иногда хочется им ответить. Вступить в диалог. Поэтому «Мумий Тролль» поет из кармана куртки. Подметать — одно из моих самых любимых занятий! Эх, знай я в детстве, что существуют метла и лопата! Правда, друзья, рано познавшие и то, и другое, уверяют меня, что с этими предметами лучше не знакомиться. Но я не верю. С каждым взмахом мир вокруг становится чище. Что может быть лучше?

К тому же это хорошая зарядка. Для букиниста самое важное — это мышцы. Ну и чтобы хорошо работали все имеющиеся полушария. Чем дольше мету, тем чище становится и в голове. Странно, но тут есть какая-то связь. Мысли становятся белыми-белыми и кружатся невесомыми хлопьями. Вот было бы здорово, если можно было заглянуть ко мне в голову! Там сейчас ни Фауста, ни Маргариты Николаевны, ни улицы с фонарем и аптекой. Только снег! И белые сугробы из мыслей!

Почему-то вспоминается чье-то изречение, что чем раньше встаешь, тем дольше можно прожить. Глупость, наверное, но мне почему-то нравится. Думаю о том, что завтра специально выйду из дома пораньше, пока на улице нет ни одного человека! Каждый вечер так думаю. Каждое утро выхожу, как все.

Подходят друзья и знакомые. Их на Северо-Западной у меня все больше и больше. Интересуются, что я делаю. Я не скрываю. Объясняю, что делаю мир чище. С восьми утра. Ничего нового. Обступают в кружок. Некоторые начинают советовать, как лучше держать метлу, в какую сторону мести. Кто-то вспомнил, что когда-то был дворником. В конце разговора поговорили немного о женщинах, о любви, о ценах на водку и разошлись.

Потом подошла женщина в оранжевом жилете и поинтересовалась:

— Можно с вами сфотографироваться? Давно за вами наблюдаю...

Я расплылся в улыбке. Пожалуй, это слава! А что, как не она, если букинистов узнают на улице! Мы встали вместе и сфотографировались.

— Покажу своим лоботрясам, как надо убирать крыльцо, — сказала женщина. — А вы от какой «управляйки» метете?

Улыбка сползла с моего лица.

— Да я так, — сказал я, — я без управляйки мету. Сам по себе.

— А, — сказала она, — ну если что, я вас к себе могу забрать!

— Спасибо! — поблагодарил я ее и продолжил подметать.

Не славы ради, в конце концов, думаю я.

После обеда крыльцо снова замело. Я отыскал в смартфоне «Что такое осень» ДДТ и снова вышел к снегу. На этот раз с лопатой. Конечно, надо втягиваться в новый сезон. Этот снег уже не растает.

*6 декабря.*

...А снег все-таки растаял. Хоть и не весь. Но сначала исчез «голос».

Я заметил, что в последние дни захожу в туалет по утрам не для того, чтобы... Я захожу в туалет поговорить. Но сегодня разговаривать было не с кем.

— Эй? — позвал я голос и постучал по кафельной плитке на стене. — Ты живой?

Но в ответ только тихое журчание воды. Снова я с утра в магазине один. Даже голос исчез. Все-таки Малышу было лучше, думаю я. Он хотя бы Карлсона видел...

Последний раз на связь голос вышел вечером 30 ноября, когда неизвестная потребовала вернуть ее книги.

— Я тебе помогу, — пообещал мне голос. — Садись на унитаз и слушай. Тебе нужно сделать вот что... Тебе нужно сказать ей так. А не могли бы вы... а не то мы... и тогда вам...

Что еще мог предложить голос, похожий на голос Адриано Челентано? Но вместо всех советов я предложил своей посетительнице кофе.

— Можно со сливками, — уточнил я.

За кофе все и прояснилось. Пока целый месяц она отдыхала за границей и в Турции, бывший возлюбленный перетаскал в «Лавку» все ее книги. Подчистую! Хорошие, к слову сказать, книги. Дорогие. В прекрасном состоянии. Теперь она хочет во чтобы то ни стало заставить своего бывшего вернуть книги. Иначе чем заставлять полки в новеньком книжном шкафу?



Он пришел почти сразу же после ее ухода. Прихрамывая и пошатываясь, добрал до стула, на котором до этого сидела его бывшая жена и, отвернувшись, попросил:

— Верни их, пожалуйста, Евгений... И ничего у меня не спрашивай, ладно? Пусть подавится... Все равно никогда их читать не будет...

От него здорово пахло луком и какой-то старой селедкой.

Пол-осени он таскал ко мне сумки и пакеты с книгами. Ничего не объяснял. Просил только, чтобы я пристроил их в хорошие руки. От денег отказывался. Глядя на то, как, шатаясь и прихрамывая, он выносит из магазина книги в обратном направлении, я подумал, что пару выводов из этой истории сделать можно. Прежде всего, отдыхать в наше время лучше не за границей. А во-вторых, книжки надо все-таки читать. Иначе они могут исчезнуть. Как исчезают из туалетов голоса.

*8 декабря.*

Ах, какая волшебная ночь была у меня вчера! Сначала я внезапно заснул. А около трех часов ночи также внезапно проснулся. Наверное, для того, чтобы запомнить сон.

Парк, солнечный свет падает сквозь кроны деревьев на единственную в парке лавочку. Очень необычную пушистую лавочку оранжевого цвета, больше похожую на лисий хвост. Вокруг лавочки толпится много людей, и все пытаются на нее сесть. А я с прутиком бегаю вокруг и пытаюсь людей отогнать. Противоборство продолжается некоторое время, а потом люди как съдут на лавочку вместе со мной! А оранжевой лавочке хоть бы что! Даже не треснула! Сон, что и говорить, непростой. Сложный, можно сказать, сон. Не без знаменья, я думаю. Требующий разгадки. Поэтому, с Миллером или без, но я обязательно его разгадаю.

Дальше начинается проза. Утром я подошел к магазину и вдруг остановился перед крыльцом как вкопанный. Как шарахнутый по голове! До меня вдруг, внезапно, неожиданно дошло, что очень скоро, и возможно, намного быстрее, чем я себе представлял, «Лавка» пойдет по миру! Без вариантов! Ни единого шанса на спасение! Покатится по белу свету

в неизвестном направлении. Чтобы это понять, достаточно взглянуть на то, что происходит с магазином рядом. А рядом нависает строящаяся, уже почти двадцатиодноэтажная громадина, около которой притулился наш старый, маленький, приплюснутый двухэтажный домик. Как раз в этом доме, с крыши которого изредка падают кирпичи, когда-то я присмотрел торговое помещение в два этажа для будущей «Лавки». И думаю, не ошибся. На тот момент было важно показать, что книжные магазинчики могут не только растворяться во времени, но и нарождаться на свет. А если нам все-таки придется переезжать... Что ж, нам не привыкать!

В размышлениях об этом я, по старой букинистической традиции, зашел утром в туалет. И, задумавшись, повторил вслух:

— Без вариантов...

И тут же получил в ответ громовое и хриплое:

— Ерунда!

Я не испугался! Я обрадовался! Голос-то, оказывается, и не думал никуда исчезать!

— Почему ерунда? — спросил я.

— А почему без вариантов? — ответил голос. А я подумал, что, скорее всего, он принадлежит старому благородному итальянцу. В голове понеслись видения — Сан-Ремо, Андрей Миронов и два мальчика, сосущие волчицу.

Когда я подошел к своему столу, женщина, сидевшая около него и собиравшаяся сдать книги, осторожно спросила:

— У вас в туалете кто-то... есть?

— Там голос, — подтвердил я. — И я хочу дать ему имя. Я назову его Челентано!

— Вы его слышите? — уточнила женщина, напряженно всматриваясь в мои зрачки.

— Я с ним разговариваю.

На это женщина сказала, что ей срочно надо в парикмахерскую и быстро ушла, ничего не сдав. Очень жаль! У нее были с собой хорошие книги по стоматологии. И, кажется, по психиатрии. Надеюсь, что, сделав какую-нибудь модную прическу, она к нам еще заглянет.

11 декабря.

Сегодня весь день оказался завязан на телефон. Сначала рано утром позвонил мой «северо-западный» друг Валера. Тот, что сначала перетаскивал книги своей бывшей жены в «Лавку», а потом перетаскивал те же книги обратно.

— П-пусти, — попросил он. — Я з-замерз.

Когда я открыл дверь магазина, то увидел, что у Валеры действительно зуб на зуб не попадает. И еще я увидел, что он снова с книгами! И снова с теми же самыми. В тех же сумках.

— Нет, — отказался я, кивнув на сумки.

— Т-ты н-не понял, — процедил Валера синими губами. — Это подарок от ж-жены. Она с-сама п-попросила. М-мы п-помирились.

Так началось утро. А продолжилось телефонной сделкой. Группа хорошо мне известных геологов заказала книгу В. Шумана «Драгоценные и поделочные камни», «Геологию Алтая», и «Драгоценные камни» Г. Смитта. Судя по названию книг, геологи разыскивают под Барнаулом кимберлитовую трубку. В случае, если они ее все-таки отыщут, Барнаул придется куда-то переносить.

Дальше была парочка почти одинаковых звонков. Первый касался магазина.

— Вы не виртуальный магазин? — поинтересовалась девушка. — К вам можно приехать?

А вот второй вопрос касался уже меня.

— Скажите, — спросила женщина. — Вы реально существующий персонаж? Вы существуете в натуральную величину?

Я не совсем понял вопрос, но на всякий случай подтвердил, что существую. Что я реальный персонаж. В натуральную величину.

— В таком случае, у меня к вам будет необычная просьба... Странная даже...

— Не беспокойтесь! — заверил я ее. — Странные просьбы в нашем магазине — это обычное дело.

— Спасибо. Так вот. Я сегодня обязательно к вам приеду. Но только меня интересуют не книги...

— А что же? — все-таки удивился я, потому что ее просьба действительно оказалась странной. Что еще можно обнаружить в книжном магазине, кроме книг?

Но в трубке что-то запиликало, потом затрещало, а потом она вовсе стихла. А женщина не только не перезвонила, но и не приехала.

Оставшуюся часть дня я занимался подготовкой к субботней встрече. Переставлял мебель и книги. Начал сооружать еще один стеллаж. В перерывах написал заметку о некоторых итогах года. Кое-что интересное за год с нами произошло. Продавал книги. Удивительно, что в такую погоду у нас были покупатели! А один молодой человек накупил целый рюкзак книг! Купили четыре романа Д. Донцовой. Запомнилось еще, что одна посетительница очень долго пробыла в туалете. Правда, и я в последнее время стал захаживать в наш туалет почаще. Особенно когда хочется поговорить с кем-нибудь по душам.

— Послушай, — спросил я сегодня у Челентано, — а ты реально существующий персонаж? В натуральную величину?

— Пошел к черту! — огрызнулся голос. — Задолбали!

Сегодня после обеда он был не в духе, и я перестал его беспокоить.

А вечером снова раздался звонок. От той самой женщины со странной просьбой.

— Я не могла не позвонить, — сообщила она. — Я сегодня к вам приезжала.

Я начал вспоминать наших посетительниц. Никто из них ни с какими необычными просьбами ко мне не обращался. Разве что...

— Туалет?! — вспомнил я.

И женщина это подтвердила.

— Вы помогли мне осуществить мою маленькую мечту, — сказала она. — Да, мне очень хотелось взглянуть на ваш туалет. Хотелось услышать вашего Челентано! И я услышала его! Я видела прохудившуюся стенку! Теперь я точно знаю, что вы — не персонаж!

После этого звонка я всерьез задумался о собственном существовании. О реальности вообще и о своей собственной. О смысле всего, что я делаю. О любви. О мечтах, которые у меня остались. И мне все больше стало казаться, что я именно персонаж. Мало чем уступающий Микки Маусу. Бестелесное создание,

поселившееся в «Лавке букиниста». Чья-то, быть может, не очень глупая, но выдумка.

Хотя если вдуматься, тело у меня все-таки есть. Когда после закрытия магазина я зашел в туалет, Челентано впервые начал разговор первым:

— Ну где ты ходишь? — выругался он. — Мне надо тебе кое-что рассказать.

И я зашел в туалет и приготовился слушать.

*20 декабря.*

...Разгадывать сны я приучился после «Алхимика». Правда, Коэльо давно уже не в моде. Его покупают нечасто. По крайней мере, в нашей «Лавке». Иногда я останавливаюсь около полочки с его книгами. «Пятая гора», «Вероника решает умереть», «Победитель остается один», «Алхимик»... Целая полка Коэльо! Увы, не слишком востребованная. Но мне по-прежнему нравятся его истории. Я продолжаю разгадывать сны. Наверное, поэтому иногда мне не хочется просыпаться. Хочется спать, и спать, и спать. При этом я знаю точно: разгадывай — не разгадывай, утром обязательно наступит момент, когда необходимо открыть глаза...

...Я открываю глаза и вспоминаю, что сегодня мне снился Шершеневич. Русский поэт, имажинист и друг Есенина. Это почти все, что я о нем знаю. Сон необычный, что и говорить. Но долго разгадывать не пришлось...

В обед я случайно попал под троллейбус. Случайно поскользнулся около остановки, случайно упал. Троллейбус, слава ему, не успел тронуться. Пассажиры вовремя обратили внимание на лежащего около колеса букиниста. Как положено поднялся шум, гам, суета... Водитель, и ему тоже слава, подошел ко мне и долго расспрашивал, что я делаю под его транспортным средством.

А мне и делать-то в этот момент ничего не хотелось. Я размышлял. Например, о том, сколько хорошего успел сделать в жизни. Сколько плохого. О всех, кого когда-то успел обидеть. Особенно женщин. Я вспомнил их поименно и мысленно попросил прощения. Извинился перед сдатчиками за непроданные к Новому

году книги. Успел подумать о новых тенденциях в книгопечатании, о гравюрах Фаворского, о пятитомнике Булгакова. Я лежал и думал, думал, думал. О цикличности бытия, о колесе сансары... Подумал о том, что мне очень хочется вместе с пастухом Сантьяго снова пройти весь его путь. Увидеть оазис Аль-Фаюм, увидеть звезды над головой... Сколько всего может прийти в голову около самого обычного с виду троллейбусного колеса! Я успел подумать даже о том, почему у водителя, склонившегося надо мной, такой странный обгоревший ус. И о том, что надо прекращать отправлять письма Деду Морозу. Все равно не доходят...

Но больше всего я думал о Шершеневиче. О его странной судьбе и о странном памятнике из странного черного камня лабратора на его могиле...

— Долго ты еще будешь там лежать? — спросил меня водитель.

И видение черного камня тут же исчезло. Пришло время возвращаться в реальность.

Я выбрался из-под троллейбуса, пожал одноусому водителю руку и поспешил по своим делам. А троллейбус вместе с водителем поехал по своим.

Я вернулся в магазин и, отогревшись, снял с полки «Алхимика». Я уже давно его не перечитывал. Наверное, пора... Я заварил себе кофе, открыл книгу и начал читать.

«Юношу звали Сантьяго... Он проснулся, когда было еще темно, и над ним сквозь прорехи в остатках кровли сияли звезды».